

УДК 330.342.3/4

МИФ «ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА» И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE MYTH OF THE POSTINDUSTRIALISM AND THE VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Алексеева Валентина Александровна

доктор философских наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права.

Российский государственный

социальный университет (филиал в г. Анапе)

Тел.: +7(86133) 4-22-08, +7(918) 298-71-96

Ava-a63@mail.ru

Alekseeva Valentina Aleksandrovna

Doctor of Philosophy, professor of chair of
the theory and history of state and law.

The Russian state social university

(branch in Anapa)

Ph.: +7(86133) 4-22-08,

+7(918) 298-71-96

Ava-a63@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме перспектив экономического и социального развития современной России, которое связано, на наш взгляд, с необходимостью преодоления западной парадигмы постиндустриального общества. Обобщаются методологические основания постановки данной проблемы, заключенные в концепции сверхиндустриализма. Исследуются базовые исторические особенности российской цивилизации, дающие возможность преодоления сегодняшнего кризиса индустриализма и формирования в России экономики и социальности синергического типа.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, кризис, российская цивилизация, национальное мироотношение, сверхиндустриализм, синергическое общество.

Annotation. The article is devoted to the problem of modern Russia's economic and social development, which is connected, to the author's mind, with necessity of the overcoming of the western paradigm of the postindustrial society. Some methodological bases of this problem, such as the conception of the superindustrialism, are united. The main historical features of Russian civilization, which give Russia a chance to overcome an actual crisis of the industrialism and to form an economy and the society of the synergial type are investigated.

Keywords: postindustrial society, crisis, Russian civilization, national view, superindustrialism, synergial society.

Сегодня Россия переживает очень короткий в историческом плане, но чрезвычайно интенсивный период цивилизационного развития, в течение которого перестают действовать самые фундаментальные понятия экономики, заложенные в основаниях этой науки еще Смитом, Рикардо, развитые Марксом, Кейнсом, фон Нейманом, еще так недавно использованные Дж. Соросом. Можно сказать, что экономика индустриального производства вещей и идей, а через них и – самого человека и человеческого общества, лавинообразно разрушается, вытесняясь новыми способами производства вещей, идей, информации и самой социальности.

Фундаментальные процессы западного мира привели его к кризису индустриализма, а далее – к распаду индустриальных цивилизаций. Этот кризис произвел на свет в интеллектуальной сфере особую парадигму исследования экономических и социальных процессов, известную как концепция постиндустриализма. Путь распада индустриализма проходит ныне и Россия, с легкостью воспринявшая в начале 1990-х годов западную идею и модель постиндустриального общества в качестве простой совокупности либералистских мифов и идеологем. Парадоксальность переживаемого нами исторического периода состоит в том, что не Россия, как это, вроде бы, очевидно поверхностному взгляду, безнадежно отстала от западного сообщества. Нет, выстраивая некую, предложенную извне, «постиндустриальную экономику и социальность», наша страна решительно «обогнала» остальной «цивилизованный мир» и оказалась перед лицом разрушения целых секторов экономики, исчезновения целого спектра профессий и видов деятельности, известной деформации социальной структуры.

В России 1990-х рухнула система, – и мы имеем здесь в виду не социалистическую систему, не советскую власть (определенные реалии этой системы власти, как и отдель-

ные элементы обеспечивающей ее идеологии, либо уже реабилитированы и восстановлены, либо стыдливо восстанавливаются). Россию мы видим, как то место на нашей планете, где в 1990-е годы минувшего века рухнула экономическая парадигма индустриальной цивилизации и где лишь в самые последние годы начинает вырваться жесткое концептуальное ядро новой неиндустриальной парадигмы общественной жизни.

Социально-экономические модели, точнее сказать – идеологемы, эксплуатирующие понятия «свободного рынка» «свободной торговли», несостоятельны в современном мире. Их несостоятельность очевидна и «мировой», т.е. западной экономической мысли.

Характеризуя фундаментальные качества западного общества, Л.К. Туроу пишет, что планирование и строгий расчет с использованием мощных суперкомпьютеров окончательно вытеснят «случайность и удачу» (по Фридману и Хайеку) из сферы рынка и экономики [1. 7].

Впрочем, серьезная экономическая наука никогда не рассматривала применимость в нашей стране «всерьез и надолго» парадигмы «свободной» рыночной экономики, «свободной», прежде всего от вмешательства государства. Академик О.Т. Богомолов еще двадцать лет назад писал, что без регулирующего участия государства «неизбежно движение в сторону разбойничьего капитала, типичного для Европы XVII–XVIII вв.» [2. 964].

Используя понятие «постиндустриализм», мы ведем его происхождение от термина «постиндустриальное общество», предложенного Д. Беллом в конце 50-х годов [3]. Однако, хорошо известно, что ни сам Д. Белл, ни его многочисленные последователи на Западе (М. Голдман, Дж.К. Гэлбрейт, П.Ф. Дракер, Л.К. Туроу, Ф. Фукуяма) так и не дали удовлетворительной расшифровки этого термина. Так, К. Туроу считает, что постиндустриализм означает переход от использования естественных ресурсов (стали, нефти, зерна и т.д.) к «искусственным интеллектуальным отраслям» – к радиоэлектронике, биотехнологии, телекоммуникациям, компьютерам, роботам, новым материалам, т.е. к отраслям, обслуживающим «глобальную культуру» – кинематографию, телевидение, производство компакт-дисков [1. 19].

М. Голдман пишет: «Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Промышленное производство не только остается весьма значительным, но в определенной степени становится даже более важным, чем когда бы то ни было. Даже производство программного обеспечения... остается одной из отраслей промышленности» [4. 8].

Постиндустриализм по Дж. Гэлбрайту означает, между прочим, преодоление воинствующего национализма ведущих держав, преодоление господствовавшего в XIX столетии положения, о том, что «национальная идентичность ставится выше самого человеческого существования» [5. 62].

Е.Ф. Фукуяма вообще заявляет, что «мы не сможем найти позитивного обозначения, описывающего эру, в которой мы живем, вплоть до той поры, пока данное общественное состояние не будет замещено последующим» [6. 9].

Д. Белл доктриной «постиндустриального общества» вербализовал на рубеже 1960-х годов некое, уже тогда обозначившее себя, общественное предчувствие стремительно приближающегося конца индустриальной эпохи. Кстати, одно из обстоятельств, по которому доктрина Д. Белла до сих пор не признается и, очевидно, справедливо, – теорией, заключено в ее глубокой и неприкрытой идеологичности, призванной теоретически оправдать особое положение Соединенных Штатов в современном мире. Именно это обстоятельство стало основной причиной жесткой и непримиримой критики, как на Западе, так и в нашей стране «постиндустриальной утопии», а вместе с ней и самой идеи общества, которое в силу развития науки, техники и технологий перестает быть индустриальным.

С резкой критикой доктрины Д. Белла настойчиво и последовательно выступил в свое время сподвижник Р. Рейгана, автор «рейганомики» и фундаментальной «физической экономики» Л. Ларуш.

Огромные, превышающие разумные пределы, масштабы административной занятости, рост «избыточной занятости в сомнительно расширяемой сфере услуг, являют собой инфляционное экономическое расстройство, которое сродни поражению раковыми метастазами жизненных процессов. Это заболевание может, в конечном счете,

довести до смерти народное хозяйство, точно так же, как оно медленно, но верно убивает американскую экономику в течение последних 40 неразумных лет постепенно дрейфа в постиндустриальный утопизм» [7. 89].

Процессам оптимизации использования рабочей силы в слаборазвитых странах и повышения ее производительности в странах, относительно развитых, утопия постиндустриализма противопоставила прямо противоположный процесс, сопровождающийся переводом части занятой западной рабочей силы в статус безработных, перемещением ее на менее квалифицированную работу или вообще отлучением ее от производства реальных товаров и переводом в сферу услуг. Сегодня ситуация, если и изменилась, то лишь в худшую сторону, отражая сдвиг экономики в сторону абсурда.

Что же, однако, может противостоять в этом мире экономике абсурда? Ответ на этот нелегкий вопрос в формулировке Л. Ларуша состоит в том, что история экономической мысли произвела не только «экономику производства денег», другими словами – производства некоей универсальной информации о прибыли. Она произвела еще и экономику производства товаров, информация о которых приводится в единицах физических измерений (в метрах, литрах, килограммах и т.д.), т.е. – «физическую экономику». Экономической традиции, связанной с именами Смита, Рикардо, Маркса, Кейнса, фон Неймана, Л. Ларуш противопоставил традицию физической экономики, созданной наподобие точных наук.

К сожалению, мы не можем пока констатировать крупные практические успехи физической экономики. Верх взяла экономика производства товаров в денежном выражении («экономика денег») и, соответственно, – доктрина постиндустриализма в варианте Д. Белла. И, надо сказать, для того, чтобы «экономика денег» одолела на Западе и в России «физическую экономику», «определенным силам» в свое время пришлось немало потрудиться.

Сегодня многим очевидна геополитическая и идеологическая направленность идеи постиндустриализма против России, против всех тех, кто не попал в «золотой миллиард». Так, А.П. Анисимов пишет: «По-видимому, для руководящих сфер международного сообщества становится все более очевидно, что принятая ими экономическая стратегия ведет не только к замедлению экономического развития, но и к деиндустриализации и сокращению массы производимого богатства. Отсюда этот странный термин – «постиндустриальное общество». В буквальном смысле слова это общество периода деиндустриализации, то есть существующее в условиях, когда промышленность сведена к минимуму и основу экономики составляет третичный сектор с ядром в виде финансового сектора, удельный вес которого соответственно максимизирован. Это общество характеризуется сосредоточением всей творческой энергии в сфере спекуляции. ...Фактически такое общество может существовать лишь в двух вариантах: если расходуется ранее накопленное богатство (как в России) или если ресурсы извлекаются из окружающей экономической среды...» [8. 39].

В качестве альтернативы доктрине постиндустриализма в самих США была выдвинута доктрина сверхиндустриализации. Под сверхиндустриальным обществом экономист из Гудзонского института И. Левесон понимает окружающую среду с высокоэнергетическим обеспечением, в котором базовые черты индустриальной революции специальным образом усилены и продолжены двумя долгосрочными стратегиями: все более автоматизируемыми фабриками и заводами и модернизацией служебных индустрий. В технологиях, капитале, трудовой квалификации и управлении будут достигаться новые уровни усложнения и развития систем деятельности. Это находится в разительном контрасте с тем акцентом на досуг и удовольствие, который составляет понятие постиндустриального общества [9. 117].

Ныне в России есть также сторонники идеи сверхиндустриализма, утверждающие, что российский промышленно-технологический прорыв должен идти в направлении повышения качества жизни средствами сверхиндустриализации.

В рамках данной парадигмы общество «после индустриального» нужно описывать отнюдь не в связи с некими масштабными технологическими сдвигами в сфере производства, пусть даже самыми современными, например, – с повсеместным освоением телекоммуникаций или биотехнологий. Тем более не согласимся с тем, что существо социаль-

ности «после индустриализма» заключается в масштабном смещении массовой занятости из сферы производства вещей и идей в сферу производства услуг. Сдвиг занятости всегда должен сопровождаться повышением влияния на общество производственного персонала, особенно его высших, наиболее образованных и организованных (но не всегда массовых) эшелонов [10. 96]. Небольшие слаженные профессиональные группы, осознающие свой социальный интерес, оказывают решающее влияние на ход современной истории. Примером такого влияния служат исключительно эффективные действия шахтеров, изменивших на рубеже 1990-х годов социально-экономический и политический облик стран Восточной Европы. Невозможно представить себе, как подобные действия могли бы осуществлять союзы официантов и служащих отелей.

Парадигма сверхиндустриализма отнюдь не подразумевает также описания нынешнего состояния общества как «общества информационного». Невероятная популярность термина «информационное общество» в СМИ как на национальном, так и на международном уровне, очевидно, рождена уверенностью, что в природе и обществе не существует процессов, которые нельзя было бы компьютеризировать.

Кстати, весьма популярная у нас расшифровка термина «постиндустриальное общество» как «информационное общество» не была воспринята в качестве адекватной и самим Д. Беллом. Она сужает теоретическую претензию исходной концепции на «широкое обобщение», не поднимаясь выше безвозвратно канувших в Лету определений минувшего века как «железнодорожного», «электрического», «химического» или «атомного». В этом же ряду преходящий во времени термин «информационное общество».

Фундаментальное знание, которое невозможно заменить информацией, накладывает пределы на применимость информационных технологий и технологических оценок.

Наконец, развитие самой вычислительной техники и информационных технологий, как и развитие методов моделирования больших систем, продемонстрировало несостоятельность тезиса классической доктрины постиндустриализма о том, что в основе принятия решений (производственных, политических и т.д.) будет лежать основанное на обработке информации линейное программирование. Сегодня уже очевидно, что стратегические решения принимаются выстраиванием принципиально нелинейных управленческих циклов. Понимание вместо обработки потока информации – вот, очевидно, то, что мы будем иметь в обществе «после индустриального». Нынешнее временное лидерство информационных технологий ограничено подъемом и спадом текущей 5-й «пятидесятилетней» волны Кондратьева, т.е. временным интервалом в 35–75 лет – с 1980-х по 2030-е годы. За пределами этого интервала информация как некая постоянно обрабатываемая субстанция, отойдет на уровень традиционных технологий. Произойдет то же, что уже не раз случалось в индустриальной истории мира, когда человечество вдруг обнаруживало, что живет в «железнодорожный век», «атомный век», «космическую эру», и забывало об этом, когда железные дороги, атомные реакторы и космические корабли становились традиционной, совершенно доступной технологией.

Безусловно, контуры будущего сверхиндустриального общества сегодня можно очертить лишь весьма условно. Его проект должен стать результатом тщательного междисциплинарного анализа и детального прогнозирования развития всех отраслей хозяйственной и общественной жизни. На сегодняшний день можно говорить лишь о перспективности самой идеи сверхиндустриализма и о ее наиболее общем выражении.

Чтобы определить смысл идеи сверхиндустриализма, необходимо выявить сам сущностный характер преодолеваемого индустриализма, поскольку смысловое наполнение термина «сверхиндустриальное общество» должно быть равновеликим смыслу термина «индустриальное общество». Ответ на вопрос о формах общества сверхиндустриального мы получим, исследуя наиболее радикальные изменения последних 25 лет. Выделим два фундаментальных с точки зрения их результата глобальных тектонических сдвига конца XX века: распад СССР и превращение США в «центр мирового влияния». Эти события выпали из логики формационного «перехода от капитализма к социализму». Они стали возможными как реализация определенной стадии другого фундаментального процесса – одного и того же и для России, и для Соединенных Штатов, а именно, – кризиса индустриализма.

Смысл индустриальной эпохи четко концентрируется вокруг образа «идеальной машины». XVII–XX века в Европе, Америке и в России характеризуются как время машины. Крупнейшие мыслители, философы и инженеры прошлого, и среди них Г. Лейбниц, Д. Бернулли, Лазарь и Сади Карно, К. Маркс разглядели в ней особый, «надмеханический», смысл. Предельно общую, идеальную схему машины («метамашину») они находили и в водяном приводе мельницы (Л. Карно), и в паровом двигателе (С. Карно), и в капиталистической фабрике, и в капиталистической финансовой системе (К. Маркс), и в двигателе внутреннего сгорания, и в электромоторе (Г. Крон), и в системе управления (Н. Винер), и в ядерном реакторе, коротко говоря, – во всей техносфере индустриальных цивилизаций. Ф. Ницше увидел, как машина в ее действии стала образцом всего, что существовало в его время.

Машина индустриализма, выступая в различных своих обликах, то превращает тепло в механическую работу, то обращает капитал в цикле «деньги₁ – товар – деньги₂», то преобразует информацию, то трансформирует социальную систему. Машина – идол и вершина индустриального мира. Она господствует в индустриальном мире потому, что индустриальное производство вещей, идей и самого человека выстроено как большая машина. Наконец, общество в этом мире – есть огромное промышленное предприятие, должное максимально эффективно работать по законам машины.

Но на излете XX века машина утратила свое былое могущество. Мир стремительно теряет ее черты. Сегодня преобладание синергетических технологий в техносфере и социуме позволяет характеризовать его как воплощение синергетического метапринципа. Следствием краха индустриальной экономической парадигмы станет вытеснение экономической (капиталистической) эксплуатации человека другими формами эксплуатации, если не более откровенными, то, по крайней мере, более неумолимыми. Политический контроль над обществом переходит от государства, созданного определенными классами и служащего интересам этих общественных классов, к хозяйственным, «общественным», конфессиональным, мафиозным и иным организациям. Государство «приватизируется». Борьба из сферы противостояния классов смещается в область противостояния центров принятия решений.

Чем ближе к постиндустриализму, тем менее центры принятия стратегических решений руководствуются экономической рентабельностью, все более апеллируя к критериям силы и роста. Универсальным критерием прогресса становится рост сложной системы социальных институтов и взаимодействий, в которой экономический компонент – не самый главный, он есть лишь звено этой системы. Постиндустриализм предстает как наглядное опровержение идеи Декарта о том, что, овладев наукой, т.е. машиной интеллектуального производства, люди станут «хозяевами и обладателями природы». Постиндустриализм опровергает и сами, восходящие к Картезию, идеи науки и техники, общественного развития и индустриального роста.

Традиционное для индустриальной экономики накопление капитала низводится всего лишь до одного из факторов этого роста. Постиндустриализм ликвидирует автономию и самодостаточность производства индустриальной эпохи (А. Турен). При этом потеря автономии и самодостаточности производительных сил происходит за счет срастания экономики с социальной сферой, т.е. с образованием, потреблением, информацией и политикой. Глобальный источник мирового движения перемещается из сферы производства в социальную сферу.

Россия, как и Запад, повторим, испытывает кризис индустриализма. Но она переживает его вовсе не так, как «благополучный» Запад. Внешне это выражается в том, что Россия процессом распада СССР и глубоким системным кризисом отброшена далеко от тех рубежей, на которых она могла бы эффективно отстаивать свои национальные интересы. Собственные ее проблемы, связанные с распадом советской системы, с завершением в 1989 году 375-летней волны российской государственности, с критическим переходом русского этноса из фазы надлома в фазу инерционного (Л.Н. Гумилев) развития, усилены проекцией мировых проблем в пространство и время современной России. Сегодня наша страна стала нишей, куда постиндустриальный евро-американский мир транслирует кризис западного индустриализма. Процесс перехода США и Западной Европы в постиндустриализм вытесняет нефтяную, текстильную, обувную, автомобильную промышленность, другие традиционные отрасли индустриального производства в бывшие коммуни-

стические страны Центральной Европы, на Украину и, конечно же, в Россию. Сюда же транслируется кризис идей, кризис национальной, гендерной и иных форм идентичности «цивилизованного» человека, кризис духовности.

Это, фиксируемое на философском уровне, различие кризиса индустриализма в России и на Западе обусловлено различиями национального исторического и социального опыта: европейского и русского. Исторически откristаллизованный на Западе Европы и в Северной Америке тип социального опыта мы характеризуем как психологизированный и эгоцентрированный опыт, замкнутый на индивида как меру всех вещей, лишаящего себя и свою жизнь каких бы то ни было внешних предельных оснований, демонтирующий практически все формы коллективной идентичности, опыт не систематизированный и предполагающий множественность различного рода дискурсов.

Напротив, русский традиционный социальный опыт носит «сверхличностный» характер. Он ориентирован на встречу индивидного «я» и внешнего мира. Он упорядочен синергией, сотворчеством различных социальных субъектов, содействием государственной власти и народа, Церкви и общества, населяющих Россию этносов в процессе строительства социальных форм и структур. Высшая духовная его форма – русская соборность, наиболее ярко явленная во время освободительных войн прошедших столетий. Сама специфика русского опыта, структурирующего российское общество, придает этому обществу синергетические свойства открытой, самоорганизующейся системы. Системная самоорганизация означает не что иное, как способность системы к постоянной перестройке своей структуры в соответствии с меняющимися условиями внешней среды. В такой системе любое кризисное состояние означает лишь необходимый переход к качественно новому состоянию системы, к новому уровню ее развития. Неслучайно многими отечественными философами и учеными отмечается, казалось бы, парадоксальное свойство русской культуры: русский человек в силу синергичности своего характера и своих действий творит даже тогда, когда разрушает. Каким же образом разрешается эта парадоксальность?

Дело в том, что синергия как метапринцип представляет собой «встречу энергий» в системах. Синергетические системы рассеивают (диссипируют) энергию, а потому они неравновесны в классическом термодинамическом смысле. Они постоянно совершают «хаотические колебания» самой разной природы. «Встреча энергий» происходит при взаимодействии на диссипативную систему двух или более сил. Под действием одной из них синергетическая система переходит в метастабильное состояние, сильно отклоняющееся от стабильного, устойчивого ее состояния. Достаточно малого воздействия другой силы на «возбужденную» систему, чтобы это ее метастабильное состояние лавинообразно и упорядоченно, самосогласованно (когерентно) распалось одновременно во всех частях системы. В этом распаде производится эффект, на многие порядки превышающий эффект от раздельного действия на систему каждой из этих сил.

Производимые индуцированным распадом метастабильного состояния диссипативной системы потоки вещества или энергии, информации или идей, социальных процессов или исторических событий наделены когерентностью. Они упорядочены в пространстве и во времени. Их собственное воздействие на окружающий мир вещей и идей само на порядки возрастает благодаря этой когерентности.

Интегральный образ сверхиндустриального общества метафорически можно представить как некое принципиально синергетическое устройство. Одна из практических реализаций такого «постмашинного» устройства сегодня известна как лазер. Лазер – это уже не машина, это именно система синергетическая, открытая, самоорганизующаяся. Он аккумулирует в себе черты принципиально иных – постмашинных – трансформаций вещества, энергии, информации, идей и самой социальности.

Образ «металазера» позволяет, в частности предвидеть преобладание синергетических технологий и в социуме, и в интеллектуальной сфере, и в техносфере наступившего столетия. Подобно тому, как паровая машина воспроизвела когда-то образ наступившей индустриальной эпохи, – эпохи механицизма во всем, так и лазер предвосхитил эпоху синергетического общества – эпоху власти не механики, не индустрии, но синергии.

Термин «сверхиндустриальное общество» мы расшифровываем как «синергетическое общество» или, придавая ему форму, созвучную термину «индустриальное

общество», – как «синергиальное общество». Причем, базовые черты социальности, выстроенной по принципу «идеального лазера», мы находим и в прошлом, в том числе, и, прежде всего, в истории нашего Отечества. Проявления их весьма многообразны: это и деятельность русских князей, направленная на объединение земель вокруг Москвы в XIV веке, и народно-освободительное движение в России периода Смутного времени, и невиданный прежде индустриальный прорыв страны в XX веке, приведший к становлению в кратчайшие сроки СССР как индустриальной сверхдержавы и мн. др. Предельным основанием такого социального творчества выступает сама метафизика русского национального мироотношения, а каналом его осуществления в современных условиях должна, полагаем мы, выступить синергия постиндустриальной техники и постиндустриальных технологий.

Литература:

1. Туроу Л. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу. – М. : Логос, 1999. – 430 с.
2. Богомолов О.Т. Где искать философский камень роста? / О.Т. Богомолов // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67. – № 11. – С. 963–969.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
4. Голдман М. Пиратизация России / М. Голдман. – М.; Новосибирск : Фонд «Тренды», 2005. – 422 с.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М. : Транзиткника, 2004. – 602 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ «Ермак», 2004. – 588 с.
7. Ларуш Л. Физическая экономика / Л. Ларуш. – М. : Научная книга, 1997. – 511 с.
8. Анисимов А.Н. Pax americana не состоится / А.Н. Анисимов // Национальные интересы. – 1998. – № 1. – С. 36–44.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
10. Бастиа Ф. Экономические софизмы или хитрые уловки протекционистов, разоблаченные сторонником свободной торговли / Ф. Бастиа. – М., Челябинск : Экономика, 2002. – 302 с.

References:

1. Turou L. Future of capitalism: as today's economic forces form the tomorrow's world / L. Turou. – M. : Logos, 1999. – 430 p.
2. Bogomolov O.T. Where to look for a philosophers' stone of growth? / O.T. Bogomolov // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 1997. – V. 67. – № 11. – P. 963–969.
3. Bell D. Future post-industrial society. Experience of social forecasting / D. Bell. – M. : Academia, 2004. – 788 p.
4. Goldman M. Piratization of Russia / M. Goldman. – M.; Novosibirsk : Trendy fund, 2005. – 422 p.
5. Galbreyt J. New industrial society / J. Galbreyt. – M. : Tranzi-tnika, 2004. – 602 p.
6. Fukuyama F. Konets of history and last person / F. Fukuyama. – M. : Nuclear heating plant «Ermak», 2004. – 588 p.
7. Larush L. Fizicheskaya economy / L. Larush. – M. : Scientific book, 1997. – 511 p.
8. Anisimov A.N. Pax americana won't take place / A.N. Anisimov // National interests. – 1998. – No. 1. – P. 36–44.
9. Beck U. Society of risk. On the way to other modernist style / U. Beck. – M. : Progress-Tradition, 2000. – 384 p.
10. Bastia F. The economic sophisms or cunning tricks of protectionists exposed by the supporter of free trade / F. Bastia. – M., Chelyabinsk : Economy, 2002. – 302 p.